

и конкретные результаты исследований, успешно разрабатываемые под руководством Г. В. Лебединской, отражены в книге. Не получила полного отражения и богатая коллекция портретов, выполненных в последние годы сотрудниками Лаборатории пластической антропологической реконструкции. Учитывая неординарность подобного рода работ в антропологии и их ценность (в том числе и как иллюстративного материала), было бы крайне желательно предусмотреть в дальнейшем периодическую публикацию реконструированных антропологических портретов в виде атласов, снабженных аннотациями к портретам и картам с указанием мест соответствующих находок.

Следует отметить хорошее оформление книги, хотя такого рода публикации требуют большего формата. Досадно, что по непонятным причинам фамилии авторов не вынесены на обложку или на титульный лист.

Антропологическая реконструкция является уникальной и единственной возможностью представить воочию внешний облик наших далеких предков. В этой связи вызывает большое удовлетворение то обстоятельство, что данное направление, основанное М. М. Герасимовым, нашло достойное продолжение в трудах созданной им школы. Поскольку последняя монография М. М. Герасимова вышла уже давно (1964 г.) и по данной тематике публиковались лишь отдельные статьи, появление новой коллективной монографии является убедительным свидетельством успешного развития этого метода коллективом, которым руководит Г. В. Лебединская.

В целом рецензируемая книга позволяет ознакомиться с новыми методами и программами, нацеленными на дальнейшее совершенствование метода антропологической реконструкции, характеризующими развитие качественно нового этапа в этой области антропологической науки.

Р. Я. Денисова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

© 1990 г.

ПЕСЕННАЯ ПОЭЗИЯ ЦЫГАН ВОЕВОДИНЫ

Собрание, изучение и публикация произведений устного народно-поэтического творчества цыган Югославии начались довольно поздно. Лишь в 1937 г. Раде Ухлик (известный ныне цыганолог с мировым именем) впервые издает на цыганском языке небольшой сборник песен югославских цыган. В послевоенные годы в сотрудничестве с Бранко Радичевичем он публикует избранные народные цыганские песни в художественном переводе на сербскохорватский язык. Этот сборник неоднократно переиздавался и на западноевропейских языках, в частности на немецком¹.

В 1978 г. в издательстве «Стражилово» впервые увидел свет двуязычный сборник народной поэзии цыган Воеводины «Капа vavas ando fogo» («Когда я возвращался с ярмарки») на цыганском языке с параллельным переводом на сербскохорватский. Вошедшие в сборник песни собраны и переведены на сербскохорватский его составителем Трифуном Димичем.

Два года спустя в Белграде вышел сборник цыганских загадок, подготовленный Райко Джуричем², который опубликовал также несколько сборников собственных стихов на цыганском и сербскохорватском языках³.

И наконец, в 1986 г. в издательстве Сербской матицы в Новом Саде появился еще один сборник цыганской песенной поэзии, включающий 129 песен. Вошедшие в него народные песни Трифун Димич собирал в различных районах Воеводины⁴, но далеко не во всех. В сборнике представлены песни на гурбетском (влашском) диалекте сербских цыган, а некоторые — на диалекте живущих в Воеводине румынских цыган, близком к кэлдэрарскому и ловарскому. Сборник снабжен также параллельными переводами на сербскохорватский язык. К сожалению, он издан весьма ограниченным тиражом (лишь 1000 экземпляров), и ему суждено скоро стать библиографической редкостью.

Составитель распределил материал по 10 разделам: I. Свадебные песни (с. 8—27). II. Песни-плачи (с. 30—35). III. Застольные песни (с. 38—47). IV. Любовные песни (с. 50—83). V. Семейно-бытовые песни (с. 86—217). VI. Колыбельные (с. 220—225). VII. Шуточные и сатирические песни (с. 228—251). VIII: Социальные песни (с. 254—289) (раздел социальных песен озаглавлен по-цыгански — «Dilja katar o šopje thaj o barvalipe», т. е. «Песни о бедности и богатстве»). IX. Песни периода НОБ, т. е. народно-освободительной борьбы народов Югославии в 1941—1945 гг. (с. 292—309). X. Послесловие Т. Димича, где рассказывается о собирании народных песен среди цыган Воеводины. Здесь содержится и информация об антропонимике сербских цыган Воеводины — Ковачевич, Кнежевич, Александрович, Мартинович, Новакович и лич (9 человек), далее следуют Йовановичи (5 человек) и Димичи (также 5 человек), в том числе тезка и однофамилец составителя сборника — Трифун Димич. Другие распространенные фамилии

сербских цыган Воеводины — Ковачевич, Кнежевич, Александрович, Мартинович, Новакович и Стойков⁵.

В 1960—1970-х годах секция этнологов Общества музейных работников Воеводины в составе Мирьяны Малуцков, Милы Босич, Веры Милутинович, Миливоје Милосавлевича, Милана Милошева, Лиляны Радуловачки, Владимира Митровича, Виды Грбич Тричкович и Катинки Ковачевич тщательно исследовала цыганское население 133 (более трети) населенных пунктов Воеводины. В вышеупомянутом сборнике приводятся не только антропомические, но и демографические и социологические данные (количество домов, семей, отдельных лиц, их расселение среди основных жителей того или иного населенного пункта, род занятий и пр.), а также собственно этнографические сведения, в частности по материальной культуре (жилище, пища, одежда), описание свадебных и погребальных обычаев, наиболее популярные религиозные праздники.

Согласно переписи 1971 г., в Воеводине зарегистрировано 7536 цыган, однако эта цифра не отражает действительности, ибо, как правило, во время переписи населения сербские цыгане часто называют себя сербами, румынские — румынами, венгерские — венграми. В 19 исследованных М. Милошевым населенных пунктах Баната живет около 7500 цыган, из которых около 3000 человек признают родным цыганский язык.

Помимо сербских («белых цыган», «гурбетов» и др.), венгерских («гурваров», «ловаров» и др.) и румынских цыган на территории Воеводины упоминаются еще так называемые русские цыгане, которых ни в коей степени не следует смешивать с собственно русскими цыганами нашей страны, так как здесь имеются в виду представители происходящей из Баната и Трансильвании этнолингвистической группы венгерских цыган-ловаров, предки которых во второй половине прошлого века появились на территории царской России, а в начале нынешнего века оказались на территории Сербии, в том числе и в Воеводине. Многие из них и сейчас имеют родственников на Украине. Для этой группы характерно наличие чисто русских фамилий (Романов, Денисов, Иванов, Петров, Комаров), с одной стороны, и чисто венгерских мужских имен вроде Йожи, Янош, Шандор, Матяш, Пишта — с другой.

Кроме того, в Воеводине встречаются группы так называемых турецких и албанских цыган, т. е. балканских цыган «арлия» из Македонии и Косова.

Вернемся к фольклору этой группы цыган. Наиболее широко представлены семейно-бытовые песни (53 песни). Далее следуют социальные и любовные песни (по 17 песен в каждой группе), шуточные и сатирические (12 песен), а также свадебные (10 песен).

За редким исключением, большинство цыганских песен периода народно-освободительной борьбы лишено своеобразия и вполне могло бы быть помещено в разделе семейно-бытовых или социальных песен. Среди песен военной поры особенно следует отметить «Ala trajin e Baškaše gtoša» («Еще живут цыгане Бачки» — № 122, с. 294):

Еще живут цыгане Бачки,
а цыгане Срема убиты на дорогах.
О лагерь, как ты велик!
Насколько велик, настолько же проклят.
Открой, боже, твои черные ворота,
чтоб я увидел свою семью.
Вывезли нас из Моловина,
Моловина, где жизнь была хорошей.
Все собрались, и цыгане, и цыганки,
а среди них и малые детишки⁶.

К этой песне близка по своей тематике песня «Jekh detharin ustilem zogava» («Однажды утром я встал на заре» — № 128, с. 306):

Однажды утром встал я на заре
и думаю, что мне, бедному, поделать.
Куда пропали цыганские девушки
и вместе с ними господа-евреи?
Не могу забыть те тяжелые дни,
То, что приключилось с нашей страной.
Бог даст и все будет хорошо,
наших цыган бог сохранил.

Характерно, что другой вариант песни «Еще живут цыгане Бачки...» встречается в песенной поэзии цыган Венгрии:

Еще живут цыгане Бачки,
А цыгане Срема убиты на дорогах.
Ай-ой, Гитлер, на твоей голове
То, что ты сделал с нашей страной.
Гремят ружья, детишки убегают,
Отчего они бегут? Сильно ружья стреляют⁷.

В разделе семейно-бытовых песен привлекают к себе пристальное внимание тексты нескольких баллад — эпических и лироэпических повествований, как правило, о трагических происшествиях и семейно-бытовых драмах. Так, в балладе «Кап' avavas andro iogo» («Когда я возвращался с ярмарки» — № 36, с. 86—95) рассказывается о том, как цыган Миле, возвращаясь с Ярковской ярмарки, повстречал прекрасную Яну Фамильяну с ведром в руках и попросил воды, чтобы напоить своего Мургу... Далее повествуется о том, как после различных приключений ему удалось жениться на прекрасной Яне Фамильяне. В сборнике публикуется и фрагмент другого варианта этой баллады, в котором девушку зовут Дана Логожана (№ 37, с. 96—99).

«Den-pe svato duj terne phralogga» («Советуются два молодых братца») — еще одна баллада; тексты двух ее вариантов приводятся в сборнике Т. Димича целиком (№ 47, с. 120—123 и № 48, с. 124—127). Два брата идут к богатому Йошке сватать его дочь Рину. Йошка готов отдать дочь, если она сама этого захочет. Рина ставит условие: кто переплывет реку (Саву), тот и будет ее мужем. Братья плывут до середины реки, у них не хватает сил плыть дальше, они обнимаются и тонут. На одном берегу реки пляшет Рина, а на другом плачет их мать и рвет на себе волосы.

Полна драматизма и «Dili katar e Bila» («Песнь о Биле» — № 49, с. 128—135). Эта баллада о двух братьях — Миле и Михайло. В юности они поклялись у гроба матери никогда не разлучаться и поэтому не жениться. Когда одному из братьев исполнилось 20 лет, как-то утром оба они отправились на ярмарку. На полпути старший — Михайло остановился и объявил, что решил жениться на прекрасной Биле. Так братья расстались. Михайло приехал к Биле, которая согласилась стать его женой, только если он подарит ей глаза своего брата Миле. Встретил Михайло брата Миле и все ему рассказал. Миле отдал брату свои глаза и стал слепым бродячим музыкантом. Через неделю собрались сваты Михайло с подарками у окна дома Билы, а сам Михайло подарил ей глаза своего брата Миле. После свадьбы поехали сваты по домам и взяли с собой молодых прокатиться. Напали на них разбойники, захватили Билу и все ее серебро-злато, Михайла убили и оставили на дороге, а сваты разбежались. Бредет по дороге слепой музыкант Миле и играет на тамбуре. Наткнулся он на труп брата, закричал: «О Михайло, брат ты мой любимый, отдал я тебе свои глаза, чтоб счастлив ты был с Билой. Отдам тебе теперь и свое сердце, навсегда останемся друг с другом!» Умер Миле от большого горя, лежат теперь братья рядом друг с другом, словно спят...

И наконец, баллада «Suta Mile tal akhorin» («Спал Миле под деревом грецкого ореха» — № 75, с. 188—191). Аналогичную балладу мы встречаем в фольклоре наших кэлдэраров под названием «Поркэрашо ле баленго» («Свинопас» — № 9, с. 62—65)⁸. Воеводинский вариант баллады проще кэлдэрарского. Так, уже в первых двух строчках: «Suta Mile tal akhorin/dija o sap ando kolip» — мы узнаем, что, когда Миле спал под деревом, к нему на грудь вползла змея. Далее он идет к отцу, отец посылает его к матери, мать — к сестре, а сестра — к жене, которая вместо змеи вытаскивает из-за пазухи Миле золотые дукаты. В кэлдэрарском, более разработанном варианте факт появления змеи на груди героя баллады становится известным лишь в восьмой и девятой строчках:

Раклорó де-инья-бэршэнго,
Поркэрашо ле балэнго...

(Здесь следовало бы ожидать «'де-дешынья-бэршэнго», т. е. 19-летний.)

Мальчик лет девяти,
Свинопас.
Свиней он пас,
Солнце его припекало,
К дереву он пошел,
Уселся в тени,
И охватил его там сон.
Красная змея подползла.
За пазуху к нему забралась.

Бежит он к матери, мать посылает к отцу, отец — к сестре, сестра — к возлюбленной. Та выгасила змею, ударила оземь и посыпались монеты. Пошел Миле с нею в церковь, обвенчался, и живут они счастливо.

По всей видимости, и песня «Svanisarda o cetvrtko rano» («Рано рассвело в четверг» — № 68, с. 174) — также фрагмент некогда существовавшей баллады. Вот первые четыре стиха этой песни:

Рано рассвело в четверг,
встретились два молодых братца,
встретились Иво и Злато,
встретились в узком переулке...

То же можно сказать о песне «Tradel Meца štare jole grasten» («Гонит Меча четырех рыжих коней» — № 88, с. 216—217).

Обращают на себя внимание и два варианта сватовской песни «Usti, Ruža, fuľav tut!» («Встань, Ружа, причешишь» — № 5, с. 16; № 6, с. 18) со следующим зачином:

Встань Ружа, причешишь,
едут цыгане сватать тебя,
едут, едут цыгане,
все на красных повозках...

Сравните эти тексты с текстом цыганской песни, записанной братьями И. и Ш. Ченки в 1953 г. в Венгрии (№ 16, с. 31)⁹:

Встань, Роза, причешишь,
Едут цыгане сватать тебя.
На зеленых повозках
И на желтых жеребцах.

Тот же образ цыганских сватов на красных повозках в основе другой песни воеводинских цыган (№ 3, с. 12—13):

Вот едут цыгане,
все на красных повозках,
чтоб сватать девушку,
далски их дорожки.

Вообще для песенного фольклора различных этнолингвистических групп владшских цыган характерно употребление определенных фольклорных клише — устойчивых выражений или отдельных строк. Сравните, например, четверостишие из песни цыган Воеводины «Rodel map, godel map» (№ 23, с. 58) с четверостишием из песни наших ловаров:

Вон идет оттуда
моя смуглая жена,
с распущенными волосами,
с заплаканными глазами...

...Ищет меня, ищет
Моя бедная мать.
С распущенными волосами,
*С заплаканными глазами...*¹⁰

Приведем в качестве примера еще зачин трех разных по содержанию песен — воеводинской «Vosa, voša» (№ 73, с. 184), песни владшских цыган Венгрии и ловарской «Вэша, вэша зэлэнона» (ОФЦК, № 41, с. 114):

Лес, лес зеленый,
как ты красив своей листвою,
словно девушка своими волосами.
Лес, лес зеленый,
Ты красив своей листвою,
Ты красив своей листвою,
Как цыганка волосами (CsK, с. 59).

Лес, лес зеленый,
Как красив ты своей листвою.
Как красив ты своей листвою,
Словно цыганская девушка с длинными волосами.

А вот зачин песни воеводинских цыган «Dža, džā» (№ 2, с. 10) и куплет из песни цыган Венгрии:

Иди, иди	Иди, иди, иди
не стыдись,	не стыдись,
иди к цыганам,	иди к Лимчи,
сватай девушку...	проси дочь ¹¹ .

«Šhude phabaj āndo bov» («Брось яблоко в печь» — № 35, с. 82) — прекрасный образец шутливой любовной песни:

Брось яблоко в печь
по мне больше ты не плачь.

Брось яблоко в грязь,
вслед мне больше не гляди.

Брось яблоко в суму,
за мною больше не бегай.

К сожалению, буквальный перевод не передает всей прелести этой основанной на полной рифмовке песни. Первые два двустушия ее используются и в начале третьего и четвертого четверостиший другой песни: «Si man sita thaj karlica» («Есть у меня сито и корыто» — № 96, с. 236), которая в вольном переводе Ж. Петровича звучит на грампластинке в исполнении Горданы Йованович.

Многие цыганские песни существуют в различных вариантах. Так, в сборнике Т. Димича мы встречаем два варианта песни «Рина» (№ 24, с. 60—61 и № 50, с. 136—137). Третий вариант этой песни — на грампластинке Горданы Йованович. Эти песни объединяет, пожалуй, лишь то, что все они обращены к девушке по имени Рина. Зато почти идентичный вариант песни «Верка» (№ 60, с. 158) можно услышать на грампластинке в исполнении Оливеры Катарини.

Подавляющее большинство народных песен цыган Воеводины имеет строфическую (куплетную) форму в виде двустуший, трехстиший, четверостиший и строф с большим числом стихотворных строк, что, кстати, не характерно для сербской народной лирики¹². Излюбленный стихотворный размер — хорей. Практически все вошедшие в сборник песни изложены в этом размере. Единственное исключение — популярная ныне цыганская песня «Đelem, delem» («Шел я, шел» — № 121, с. 292), прозвучавшая в 1960-х годах в кинофильме А. Петровича «Сборщики перьев». По всей вероятности, эта изложенная в пятистопном ямбе песня — авторского происхождения.

Однообразие в выборе стихотворного размера компенсируется различным числом слогов в хорейской строке. С одной стороны, мы встречаемся с песней, где каждая из семи строк представляет собой одну диподию хорей, т. е. двухстопную (четырёхсложную) строку «Mesem soggo» (№ 104, с. 254):

Я — беден,
я — беден,
прислони свою голову,
прислони свою голову
ко мне,
чтоб не умер я
в одиночестве.

С другой стороны, шестистопная (12-сложная) строка в песне «Po motori bešlem, ande Pešta đelem» («На мотоцикл сел я, в город Пешт поехал» — № 54, с. 144) и даже семистопная (14-сложная) стихотворная строка в песне «Cvetosarda, cvetosarda e gunjica pagni» («Белым цветом, белым цветом зацвела айва» — № 65, с. 168—169). Однако подавляющее большинство песен имеет 10-сложный стих (наиболее распространенная, доминирующая форма в сербской песенной поэзии, так называемый десетерац. Широко представлены, как и в сербских лирических народных песнях, семисложный (седмерац), восьмисложный (осмерац) и более редкий в сербских песнях шестисложный стих (шестерац)¹³. В отдельных песнях могут чередоваться восьмисложные и шестисложные строчки (№ 116, № 126), а в трехстишиях первая строка может состоять из пятистопного, вторая — из четырехстопного и третья — из трехстопного хорей (№ 78, с. 196).

Отметим также вошедшие в сборник три песни-плача, подобные сербским «тужбалицам». Плач «Ake tuće kali kupa» («Вот тебе черная колыбель» — № 12, с. 32) — в размере четырехстопного хорей. Два других отличаются неравносложностью стиховых строчек. «Na dža leste, kaj ašilo lesko supo ande mungge phare đesa» («Не уходи к нему, у ком остался лишь сон в мои тяжелые дни» — № 13, с. 34) представляет собой десятистишие с 12-, 16-, 20-сложными стихами в размере хорей. Плач «Avilem ake te-rovav mande po šudro bar-u» («Я пришла, чтоб плакать над холодным камнем» — № 11, с. 30) состоит из 15—16-сложных строчек. 16-сложные стихи имеют четкий хорейский размер с цезурой посередине.

По-видимому, нет особой нужды подробно останавливаться на возможных опечатках или неточностях в рукописи при передаче цыганского текста, таких как tu še вместо tuše «тебе», sogavla вместо sogav la «украду ее», dikla вместо dik la «смотри на нее», lele вместо le-ba «возьми-ка» и т. д.

Однако следует сделать одно замечание относительно переводов на сербскохорватский. В своем стремлении как можно точнее передать форму цыганских оригиналов автор переводов нередко допускает досадные промахи в смысле передачи содержания песен. Так, например, в приведенной выше песне «Брось яблоко в печь» (№ 35) все три вторые строки двустуший — «по мне больше ты не плачь», «вслед мне больше не гляди», «за мною больше не бегай» переведены на сербскохорватский одной фразой: «и плакати немој за мною». Первое двустушие песни № 10 (с. 26—27) «Okojaring o dorjav/Kaldaraša čeren'bjav'», что означает «По ту сторону реки цыгане-

кэлдэраы справляють свадьбу», в переводе также значительно упрощено до «С оне стране Дунава цыгански су сватови», что значит «С той стороны Дуная цыганские сваты». В песне «Еще живут цыгане Бачки» (см. выше) говорится, что цыгане Срема «убиты» («tudarde») на дорогах, тогда как в переводе они «протерани», т. е. «прогнаны» («выгнаны, изгнаны»).

Тем не менее в целом работа Т. Димича заслуживает самой высокой оценки, потому что действительно является весомым вкладом в исследование цыганской народной песенной поэзии.

Лекса Мануш

Примечания

¹ Ухлик Р., Радичевић Б. Циганска поезија. Сарајево, 1957; Uhlik R., Radicević B. Zigeunerlieder. 3. Auflage. Leipzig, 1977. 63 S.; Ciganska poezija / Sakupio i preveo Uhlik R. Prepevao i dopevao Radicević B. Beograd, 1982. 302. S., ill.

² Romane garadine alava. Ромские загонетке / Избор, предговор, превод и коментар Бурић Р. Београд, 1980. 91 с.

³ Бурић Р. Рхом рходед тхан талав кхам. Београдо, 1969. 40 с.; Durić R. Bi kheresko bi imoresko. Без дома, без гроба. Beograd, 1979; Бурић Р. Прастара реч, далеки свет. Ругано svato, o dur them. Београд, 1980. 88 с.; Durić R. А. шаж У. А и У. Beograd, 1982. 92 с.

⁴ Cidimata e romane diljendar. Ромска народна поезија / Cida thaj nakhada Dimić T. Novi Sad, 1986. 331 с.

⁵ См. подробнее в сборнике этнологических материалов по цыганам Воеводины: Etnološka građa o Romima-Ciganima u Vojvodini. I. Novi Sad. 1979. 420 с.

⁶ Все тексты цыганских песен даются в переводе автора рецензии.

⁷ Csikóink kényesek. Magyarországi cigány népköltészet. Budapest, 1977. 93. old. (далее — CsK).

⁸ Образцы фольклора цыган-кэлдэраей / Подг. Деметер Р. С. и П. С. М., 1981. 264 с. (далее — ОФЦК).

⁹ Csenki I., Csenki S. Bazsarózsa. 99 cigány népdal. Budapest, 1955. 4. kiadás. Budapest, 1969. 151 l.

¹⁰ Сравните эту ловарскую песню с ее фонетической «кэлдэраризацией» (ОФЦК, № 31, с. 104).

¹¹ Vig R. Magyarországi cigány népdalok. Budapest, 1976.

¹² Петровић Р. Взаимосвязь текста и мелодии в сербских лирических народных песнях // Из прошлого югославской музыки. Сб. статей югославских музыкантов. М., 1970. С. 108.

¹³ Петровић Р. Указ. раб.